

# ВРЕМЯ ЗАМОРОЗКОВ И ЗАМОРОЖЕННОЕ ВРЕМЯ

НЕБОЛЬШОЕ пассажирское судно «Королева Эмма» совершало свой очередной рейс через проливы. Давным-давно исчезли за горизонтом голландские берега, а внезапно возникшие над волнами чайки предупреждали о приближении английских.

В салоне первого класса было тихо и скучно. Сидевшая напротив меня сухопарая леди вот уже шестой час, не поднимая головы, вязала кофточку. Ее спутник, также не поднимая головы, спал, уткнувшись в раскрытые страницы «Санди таймс». Изогнутый вопросительным знаком более чем пожилой джентльмен, увешанный буквально всеми видами окуляров: от изящного монокля до гигантского морского бинокля — не отрывая глаз, всматривался туда, где вот-вот должны были появиться очертания туманного Альбиона.

Впрочем, не было и намека на туман. Альбион вставал, украшенный ожерельем электрических огней, дрожащих в чистом и прозрачном воздухе.

Бар под игривым названием «Пиккадилли» пустовал, и лакей в который уж раз протирал чуть слышно дребезжавшие бокалы и рюмки.

Шум моторов стал постепенно спадать. «Королева Эмма» ошвартовывалась у причалов Харвича. Голос из репродуктора возвестил:

— Леди и джентльмены, сегодня воскресенье 23 октября. Англия переходит на зимнее время. Поэтому прошу вас перевести стрелки ваших часов на один час назад.

Обитатели салона впервые за время путешествия обнаружили некоторые признаки оживления.

— Когда же наконец прекратят они эту чехарду со временем? — поддал голос господин, дремавший под сенью «Санди таймс». — Мои деловые партнеры на континенте надоедают своими претензиями, а их телефонные звонки поднимают меня с постели в самый разгар предутреннего сна.

— Смиты поступили разумнее, — ответила ему леди, удосужившаяся наконец отложить в сторону свое вязание. — Их фирма вот уже второй год работает по средневропейскому времени даже зимой. Говорят, поэтому и «контракты» у них больше, чем у конкурирующих с ними компаний.

И лишь более чем пожилой джентльмен, увешанный, как елка, всеми чудесами оптики, оставался невозмутимым.

## ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «ИЗВЕСТИЙ»

В его годы стрелки часов, отведенные назад, уже не создают никаких неудобств. Наоборот, они рождают приятную иллюзию удлинения шагреневой кожи бытия.

— Напрасно ропщете, господа, — заметил он, — ведь это же Англия!

— Ну и что из того, что Англия? — раздраженно возразил ему владелец «Санди таймс».

Старик вставил в свой череп монокль и с нескрываемым удивлением воззрился на оппонента.

— Я же сказал вам, что это Англия! — повторил он, и в знак того, что не потерпит дальнейших возражений, энергично катапультировал монокль пустой бровью из черепной бойницы себе на грудь. Линза стукнулась о крахмал манишки и, словно эхо, повторила слова своего хозяина:

— Ведь это Англия!

После двухмесячного отсутствия этот спор и то, что я возвращался в Англию именно 23 октября, когда стрелки государственных часов на башне Вестминстерского дворца на какое-то время двинулись вспять, показалось мне воистину символическим. Впрочем, не успел я ступить на землю, как эта символика, уже воплощенная в плоть и кровь, обступила со всех сторон, словно английские берега, «Королеву Эмму».

Читатели «Известий» уже знают о законе о ценах и доходах, принятом лейбористским правительством. Он предусматривает замораживание заработной платы трудящихся, а его часть четвертая — судебное преследование рабочих и профсоюзов, прибегающих к забастовочным действиям в целях улучшения своих жизненных условий.

Этот закон замораживает не только зарплату, но и стрелки часов на политическом циферблате страны. Лейбористское правительство Англии отодвинуло их назад даже по сравнению с зимними временами, стоявшими на дворе в эпоху правления консерваторов. Недаром один из последних — теневой канцлер казначейства Маклеод заявил, когда голосовалась часть четвертая вышеупомянутого закона, что парламент давно не помнит такого посягательства на права и свободу личности. А ведь на многовековой па-

мяти парламента не только Великая хартия вольностей. На днях «Масс обсервершн» — частная исследовательская организация по социальным проблемам — провела среди населения опрос, целью которого было установить, насколько хорошо знают в стране известных деятелей политики, науки, культуры и т. д. Министру экономики Майклу Стюарту явно не повезло. Только 26 процентов опрошенных знали, кто он и чем он занимается. Согласно опубликованным ответам, многие принимали его за человека, установившего рекорд длительного одиночного пребывания в подземной пещере.

Уж не тем ли объясняются такие ответы, что драконовские экономические меры, применяемые правительством против трудящихся, носят зачастую пещерный характер? Когда к ним прибегли консерваторы, то нынешний премьер-министр Вильсон охарактеризовывал их как «мазохистские меры по снижению нашего жизненного уровня... проводимые в угоду международным банковским кругам». Ну, а сейчас?

А сейчас министр экономики Стюарт выражает недовольство тем, как украшен его кабинет в Вестминстерском дворце. Парламентский личный секретарь министра поведол, что тринадцать картин, которыми увешаны кремлевские стены кабинета, действуют на его шафа угнетающей своей «викторианской уродливостью». Все они посвящены истории парламента. «История, конечно, важна», — продолжал личный секретарь министра и сам член парламента мистер Пейвнт, — но кому хочется день-денский лицезреть ее, да еще в черных рамках?»

В особенности на нервы министра действует одна картина, на которой изображены джентри (мелкопоместные дворяне), заявляющие о своей помощи королю. «Эта картина напоминает предвыборный манифест», — комментирует тот же мистер Пейвнт. Не потому ли она действует на нервы министру экономики? Ведь законы, проводимые им через парламент, так же далеки от обещаний предвыборного манифеста лейбористов, как небо от нашей грешной земли.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ заморозки нынешней осени распространяются по стране весьма неравномерно. Они касаются заработной платы, но обходят стороной цены. На днях кто-то иронически заметил, что лорду — председателю совета Ричарду Кроссмену грозит тюрьма, поскольку в подведомственной ему парламентской столовой цены выросли на 20 процентов, хотя дозволенный уровень роста не должен быть выше 3 процентов. В свое оправдание Кроссмен сослался на выборочное налогообложение, введенное его коллегой канцлером казначейства Каллаганом. Но ведь совсем недавно канцлер утверждал, что это налогообложение вызовет рост цен всего лишь на 1—2 процента!

Бог с ней, с парламентской столовой. Ее всегдашатаи могут позволить себе роскошь не замечать экономические несуразности жрецов казначейства. Но вряд ли это по карману заведующим рабочими столовыми или домохозяйкам, запутавшимся в продуктовых сетях замысловатого выборочного налогообложения.

На днях суд в Лидсе постановил выплатить некоему Джону Биверсу более 10 тысяч фунтов стерлингов компенсации. Он попал в автомобильную катастрофу, получил повреждение мозга, в результате которого начисто лишился чувства вкуса и обоняния. Судья Фолкс оказался мудр, как Соломон, и щедр, как Меценат. Он сказал: «Потеря возможности получать удовольствие от чревоугодия — это нечто такое, что требует возмещения самым щедрым образом». К сожалению, решение судьи Фолкса относится только к мистеру Биверсу. Подавляющее большинство англичан, попавшее в экономическую катастрофу, которая жестоко отражается на их жизненном уровне, не только не получает компенсации, но вынуждено еще само приплачивать нерадивым водителям. В то же время газета «Обсервер» пишет, что «плохие времена для экономики — это хорошие времена для банкиров... Один за другим крупные английские банки кладут в свои кассы пухлые пакеты с прибылями».

...За два месяца Лондон мало изменился внешне. По-прежнему тянутся вверх юбки девушек. По-прежнему тянутся вверх этажи новостроек, при виде которых чертыхаются обитатели трущоб. Но если девушки не испытывают одиночества и недостатка в поклонниках, то большинство новых домов безнадежно пустует. Как говорится, хоть видят око, да зуб неймет. Цены на квартиры умопомрачительнее любых капризов моды.

Конечно, и в данном случае зуб неймет на всех. Газета «Таймс» в рекламной страничке помещает объявление, автор которого предлагает купить для своего нового замка привидение при условии, что оно будет «жизнерадостным и забавным». Я не знаю, что автор этого объявления, но вполне допускаю, что им может быть леди Астор, наследница той самой злойшей дамы, которая плела ироничную паутину в своем Клайденском поместье. Нынешняя леди Астор распродавалась с Клайденом, построенным герцогом Бунингемским, и переселилась в Саррей, в каменный замок, возведенный еще в XVI веке.

Клайденское поместье дважды сгорало дотла от пожаров. Политика мюнхенцев, собиравшихся там в салоне леди Астор, навлекла на Англию пожар второй мировой войны. Но некоторые государственные мужи современной Англии вновь заигрывают с обретшими плоть привидением фашизма. Уж не мажется ли им, что оно стало «жизнерадостным и забавным» от того, что протягивает свои загроможденные руны к ракетно-ядерному оружию?

Будем надеяться, что нынешняя леди Астор уступит в свой каменный замок XVI века несколько иное привидение. Тем более, что ее амбиции лежат не столько в области политики, сколько моды. Леди Астор образца

1966 года — бывшая маненница. И, право, лучше уж короткие юбки, чем короткая память политиков, живущих в условиях замороженного времени!

3 А два месяца Лондон мало изменился внешне. По-прежнему на Пиккадилли и на Лейстер-сквер идут американские фильмы о «советских шпионах». По-прежнему на Шэфтсбери-авеню ставятся американские «мюзикалы» об артистической богеме. Но все-таки есть и кое-что новое. Королевский Шекспировский театр показывает в постановке Питера Брука пьесу Дениса Кэпнета «Мы». На сцене бушуют подлинно шекспировские страсти, но время действия — наше, наши дни. И среди злодеев — не король Ричард, а американские агрессоры во Вьетнаме. На сцене горят не замки, а буддистские монахи и прекраснотушные американские пацифисты, развеваются красные знамена и мелькают ружейные приклады американских солдат.

Ружейные приклады замелькали и в статьях театральных критиков. Пошли сплетни о «коммунистической пропаганде» и угрожающие намеки на финансовые репрессии. Спектакль «Мы» не понравился «им». Раскроем кавычки — тем, кто беспрестанно поддерживает американских агрессоров.

Прогнозы погоды обещают ранние заморозки в Англии, хотя фенологи-самоучки утверждают, что задерживающийся листопад свидетельствует об обратном. Кто окажется прав? Поживем — увидим. Но сегодня англичан беспокоит не время заморозков, а замороженное время. Отодвигать назад стрелки часов — невелика хитрость. Куда труднее подогнать время вперед, оставляя позади опасные предрассудки и хлам прошлого.

«Таймс» поместила на днях такое объявление: «Требуется самый болевой по размерам образец старинной английской мебели. Вознаграждение — 500 фунтов стерлингов». Говорят, что некоторые соискатели этого приза уже заказывают железнодорожные платформы и грузовые вертолеты для доставки хлама к месту назначения. Английский народ заплатил и продолжает платить куда более дорогую цену, и не только в фунтах стерлингов, за то, чтобы вынести из своего дома хлам, который, с одной стороны, легко воспламеняется, а с другой стороны, тяжело давит. Но народ еще не сказал своего последнего слова.

Во всяком случае, оно не за тем, более чем пожилым джентльменом с «Королевы Эммы», который катапультирует монокль из черепной бойницы на крахмальную манишку, непрекаемо изрек:

— Напрасно ропщете, господа. Ведь это же Англия!

Но Англия ропщет, ибо она — Англия.

М. СТУРУА.

ЛОНДОН, октябрь.